

симпатії селян. Так він завершує аграрну реформу розпочату його братом. Для того, щоб забезпечити собі підтримку вершників Гай приймає закон про відсутність і судочинство (*lex iudiciaria*), у відповідності з яким вершники могли брати участь у трибуналах, що вирішували справи про зловживання у провінціях.

Таким чином проведене дослідження дає змогу краще зрозуміти передумови та витоки формування латинських юридичних термінів.

Summary

The training of the future lawyer is impossible without the mastery of Latin vocabulary, grammar, and, especially, Latin terminology.

The research under consideration helps to trace the development of Latin legal terminology from 509 till 83 B.C., i. e. from the period of early Republic till the establishment of Sulla's dictatorship in Rome.

УДК 81:1

ГЛОТТОГЕНЕЗ С ПОЗИЦИЙ СИНЕРГЕТИКИ

Домброван Т.И.

Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова

*'The origin of human language
is truly secret and marvelous'
Jacob Grimm [19: 24].*

Кем и когда создан язык? Где и почему это произошло? Чем объяснить такое разнообразие языков? Эти и многие другие вопросы волновали человечество с незапамятных времен.

«Первые шаги в сторону человеческого языка остаются загадкой», – пишет С.Пинкер [13: 334]. Сможет ли человечество когда-нибудь приблизиться к заветной разгадке? Проблема осложняется также невозможностью верификации той или иной теории, что неизбежно превращает любую теорию в «всего лишь» гипотезу. Вероятно, именно по этой причине Парижское Лингвистическое Общество в 1866 г. ввело запрет на публикации статей и, соответственно, обсуждение тем, связанных с происхождением языка, считая их тратой времени и «пустой болтовней» (по

выражению американского лингвиста Уильяма Д. Уитни, «The greater part of what is said and written upon it is mere windy talk» [18: 5]). «Вето» продержалось почти столетие, однако вопросы глоттогенеза продолжали беспокоить пытливые умы, и проблемы происхождения языка вновь оказались в центре внимания после того, как появились новые интересные данные в области психолингвистики, антропологии и других наук.

Цель нашей статьи – рассмотреть проблему глоттогенеза с позиций современной научной парадигмы – синергетической, позволяющей по-новому взглянуть на сложные системы различной онтологии, включая естественный язык.

Синергетика изучает процессы самоорганизации, образования, поддержания и распада структур самой различной природы [4] и ориентируется на поиск неких универсальных законов эволюции и самоорганизации сложных систем, законов эволюции открытых неравновесных систем любого происхождения [11]. Необходимость и возможность открытия новых перспектив в решении проблемы происхождения языка с опорой на методологию и понятийный аппарат синергетики определяет *актуальность* нашего исследования.

Начнем с краткого экскурса в прошлое.

Как известно, среди философов древности бытовали две основные гипотезы о происхождении языка: 1) язык возник сам по себе (так сказать, «по природе вещей» (*physei*)) и 2) язык был сотворен (так сказать, «по установлению» (*thesei*)). Первая теория связывала появление языка с появлением первобытных людей, которые жили совместно, а потому вынуждены были общаться и договариваться о совместных действиях в тех или иных разнообразных жизненных ситуациях. Вторая теория приписывала «авторство» естественного языка Богу (в западной философии) или (в восточной философии) великим праотцам – родоначальникам племен и/или основателям народов, которым покровительствовали боги. Считалось, что Создатель сотворил не только мир и все сущее, но и наделил человека своим Божественным даром – даром речи.

Выдвигались также и другие гипотезы. Среди них звукоподражательная, согласно которой язык возник из подражания человеком звукам природы; эмоциональная (или экспрессивная), связывавшая возникновение языка с эмоциями и чувствами человека, сопровождавшимися выкриками, из которых впоследствии якобы и развились слова и предложения. Известна гипотеза социального договора, но и она не могла объяснить происхождение языка, поскольку чтобы договориться о чем-либо, люди уже должны были иметь язык как инструмент договора.

Согласно еще одной гипотезе, звуковой язык пришел на смену наглядно-образному общению (пантомиме), что было вызвано расширением форм взаимодействия членов сообщества между собой и с внешней средой: «Выполняя одну и ту же знаковую функцию, пантомима и звук как бы конкурировали между собой, и в этой конкуренции победил более

экономичный и оперативный звук. Нечленораздельный звук, становясь многозначным, начал варьироваться и стягиваться до тех пределов, в которых он оставался отличимым от других звуков. Каждый такой звук имел свое значение – образ отрезка пантомимического действия. Это уже были слова-предложения» [17: 135].

Широкое распространение получила также теория моногенеза – учение о происхождении всех языков из одного источника. Считается, что у истоков этой теории стоял итальянский ученый Альфредо Тромбетти (1866–1929), указавший на генеалогическую связь ряда языковых семей. Рассматривая теорию моногенеза, В.В. Иванов заключает, что хотя теория моногенеза представляется в настоящее время более вероятной, окончательное решение данного вопроса еще не найдено [5: 309]. Другими словами, и эта теория остается на уровне гипотезы.

Эволюционная и божественная (космологическая) теории происхождения языка сосуществовали на протяжении долгих веков, и только величайшие открытия в естествознании и высокодинамичный прогресс в науке XIX и в особенности XX вв. пошатнули твердые позиции религиозного догматизма. Вопросы происхождения языка вновь оказались в центре внимания ученых, причем теперь не только лингвистов. Из узкодисциплинарной проблема глоттогенеза переросла в комплексную, так как ее решение (или хотя бы приближение к возможному решению), как полагают, может пролить свет на множество сопряженных проблем, а поэтому требует совместных усилий ученых их разных областей науки.

Одна из таких проблем связана с нашим пониманием сущности и предназначения языка.

По мнению А.В.Кравченко, существование огромного количества сосуществующих между собой «теорий» естественного (человеческого) языка красноречиво говорит о том, что в среде ученых отсутствует сколько-нибудь общее понимание языка как феномена [10: 7].

В лингвистике стало традицией определять язык как средство общения, то есть кодирования и передачи информации (коммуникативная функция). Следовательно, проблема происхождения языка и его развитие тесно увязываются с вопросами эволюции информации.

Известно, что в теории информации существует такое понятие, как «ценность» информации. Считается, что ценность информации эволюционирует во времени и что та или иная информация становится ценной в результате выбора и вытеснения ею других вариантов. По словам Д.С.Чернавского, эффект постепенного повышения ценности информации важен для понимания механизма эволюции в информационных процессах [16: 120]. А поскольку язык представляет собой один из типов информационных систем, то положения теории информации могут быть перенесены и на языковую систему.

Так, язык возможно охарактеризовать как информационную кодовую систему: «соответствие между звуком и буквой (т.е. алфавит) или соответствие между звукосочетанием (словом) и предметом представляют,

по существу, коды» [там же]. Д.С.Чернавский предлагает свое видение формирования языка как возникновения ценной информации:

«Можно поставить вопрос: какова вероятность того, что все люди, принадлежащие к некоторой языковой группе, сразу вдруг, не сговариваясь, выбрали определенный (одинаковый) алфавит и набор слов? Ясно, что эта вероятность абсурдно мала. В данном случае, однако, такой ответ никого не волнует и даже вопрос об этом не ставится. Причина проста – очевидно, что *язык возник в результате эволюции*. (курсив наш – Т.Д.). Более законен другой вопрос – какого характера эта эволюция и есть ли здесь что-либо общее с эволюцией генетического кода? Аналогия, конечно, есть. Действительно, эффект авторепродукции в становлении языка имеет место; он связан с тем, что дети усваивают язык родителей в процессе воспитания. Эффект антагонистического воздействия также имеет место. Правда, появляется оно иначе и не обязательно ведет к тому, что один объект съедает или убивает другого (хотя и это бывало). Можно в принципе представить себе, что при встрече двух популяций все индивидуумы овладевают двумя языками и объединенное общество живет дружно и счастливо. При этом, однако, каждый член общества несет «дополнительные расходы» на обучение. Эта нагрузка ведет к тому, что такое «двуязычное» общество становится менее эффективным, чем аналогичное, но моноязычное. В результате один язык постепенно становится главенствующим даже в «двуязычных» странах, где равноправие языков декларировано. <...>Между эволюцией языка и эволюцией, например, генетического кода есть и отличия. Главное из них в том, что в современном обществе языков много, в то время как генетический код одинаков во всей биосфере. Это отличие, однако, не принципиально. Оно скорее свидетельствует о том, что в информационном аспекте эволюция языка находится на промежуточном этапе и не перешла еще в стадию однозначного, полностью детерминированного процесса. Как это следует из модели, промежуточный этап может длиться достаточно долго» [16: 120-121].

Синергетика как наука, изучающая закономерности функционирования и изменения сложных систем различного происхождения, позволяет рассматривать язык как синергетическую систему – сложную самоорганизующуюся открытую нелинейную, неустойчивую, неравновесную мегасистему, образованную из когерентно сопряженных систем и подсистем.

Особо отметим, что синергетическое видение системы позволяет включить новые смыслы в понятие *системы*. Уже недостаточно представлять систему в качестве некоего зафиксированного целого, изолированного, рассматриваемого «в себе» (ср. у Соссюра система «замкнута в самой себе и для себя» [цит. по: 14: 237]). Определение системы должно отражать неустойчивость, открытость, нелинейность, кооперацию и ко-эволюцию ее составляющих.

Неустойчивость как особое состояние открытой системы (в том числе и языковой системы) означает чувствительность к малейшим отклонениям и воздействиям на данную систему в условиях, когда малые флуктуации и случайности приводят к становлению новой макроскопической картины бытия [см.: 8: 120]. Неустойчивость характеризуется невозможностью однозначно предсказать результат и/или траекторию дальнейшего развития процесса.

Открытость системы предполагает ее взаимодействие (так называемый обмен энергией) с другими системами. Открытость конкретной языковой системы проявляется, например, в ее взаимодействии с ноосферой, с социумом, с системами культурных ценностей, с другими языковыми системами и т.п., в результате которого в самой системе в целом или в ее отдельных частях может возникнуть состояние возмущения, приводящее к нарушению неустойчивого равновесия и порядка, т.е. к хаосу, критичному состоянию системы, способному вызвать ее качественно новое поведение. Роль синхронизаторов поведения составляющих систему элементов выполняют так называемые управляющие *параметры*, которые направляют «отклонившуюся» систему через точки бифуркации (ветвления, выбора возможных вариантов развития) к наиболее упорядоченным состояниям – аттракторам, что способствует (пусть даже временной) гармонизации состояния данной системы. В языке роль управляющих параметров выполняют различные грамматические категории, при этом с течением времени и как следствие открытости языковой системы данные параметры могут изменяться (ср., например, параметр порядка слов в древнеанглийском языке и в современном английском языке).

Нелинейность – еще одно понятие, которым следует дополнить определение языковой (мега)системы. Нелинейность в математическом смысле означает определенный вид математических уравнений, которые могут иметь несколько качественно различных решений. Множеству решений нелинейного уравнения «соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями (нелинейной системы)» [7: 48]. В мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции и ее необратимости [там же, с. 50]. Нелинейность языковой (мега)системы проявляется в зависимости свойств и функционирования данной системы от «поведения» каждого из ее элементов. В развитие данной мысли приведем слова Ш.Балли: «Система языка – слишком сложная вещь <...> в каких-то точках системы есть движение вперед, в каких-то – откат назад, и в каждый определенный момент очень трудно рассчитать этот языковой актив и пассив; это похоже на линию фронта, где одни части наступают, другие – остаются в арьергарде, а третьи – несут тяжелые потери, пораженные неприятельскими снарядами» [1: 67]. Понятие линейности, вероятно, применимо лишь в качестве обозначения порядка следования языковых элементов в речевой цепи.

Язык находится в состоянии динамики, подвергаясь воздействию как внутренних, так и внешних факторов изменения и развития. Языковая мегасистема, состоящая из иерархически структурированных и взаимосвязанных систем и подсистем, устойчива лишь относительно, точнее сказать, неравномерно устойчива, поскольку какие-то ее части в данный момент могут быть неустойчивы, а какие-то другие могут находиться в состоянии относительной статики. Таким образом, части (мега)системы различаются темпами происходящих в них изменений, что порождает своеобразную рельефность ко-эволюционных процессов.

Следовательно, язык можно определить как *открытую, динамическую, нелинейную, неравновесную мегасистему, состоящую из множества сложноорганизованных ко-эволюционирующих систем и подсистем, управляемых определенными параметрами порядка с целью сохранения стабильности и функциональности данной системы.*

Исходя из понимания языка как синергетической системы, проблему развития языка связывают с установлением определенных параметров порядка и изменениями в их аранжировке в системе. Герман Хакен, один из «отцов» синергетики, предлагает свой взгляд на становление языка. Вот что он пишет:

«При благоприятных обстоятельствах, например, при *физиологической возможности* производить специфические звуки, наши предшественники издавали их сначала случайно. Позже такие звуки могли относиться к некоторым объектам или событиям, как это наблюдается, скажем, в поведении обезьян. Корреляция между звуками и объектами или событиями не могла быть вначале однозначной. Имелась, по-видимому, конкуренция между различными значениями одних и тех же звуков. Со временем корреляция между звуком и значением стала более сильной, и звуки стали более специфическими.

В конечном счете, набор звуков со специфическими корреляциями с событиями был принят всей группой. Другими словами, установился *параметр порядка*. Отсюда мы можем описать развитие мозга, языка и, возможно, поведение социальных групп. Но что наиболее интересно в контексте синергетики – так это факт, что формирование звуковых систем первоначально основано на случайных событиях. Дальнейшие случайные события могли изменить существовавшие языки, когда группы были отделены друг от друга. Хорошо известно и в исследованиях развития языков, и во многих типичных синергетических системах, что *параметры порядка развиваются по-разному*, когда системы подразделены на пространственно отдаленные подсистемы. (курсив наш – Т.Д.)» [15].

Таким образом, возникновение языка носит стохастический характер и связано с особенностями физиологии человека как биологического вида.

Предположение о том, что естественный язык является результатом естественного отбора, вследствие чего язык развивался и совершенствовался одновременно с развитием и расширением когнитивной деятельности человека, разделяют многие ученые. Например, Р.Харрис констатирует, что

«эволюция путем естественного отбора признается как научно обоснованное объяснение» [23: 5; см. также, например: 18; 20-22].

Стивен Пинкер, в частности, считает, что «язык – такой же инстинкт, как и все остальные» [13: 337] и что его существование определяется сложной организацией микросхемы мозга [там же, с.345]. Ученый делает акцент на сложность языкового инстинкта, связанную с адаптацией: «Он состоит из многих частей: синтаксиса с его дискретной комбинаторной системой, строящей структуры непосредственно составляющих; морфологии – второй дискретной комбинаторной системы, стоящей слова; емкой лексики; частично перестраивающегося речевого аппарата; фонологических правил и структур; восприятия речи; алгоритмов синтаксического анализа; алгоритмов овладения языком. В физическом смысле эти части представляют собой хитроумно структурированные нейронные системы, заложенные благодаря последовательности генетических событий, каждое из которых происходило в четко отведенное время» [13: 343]. Другими словами, подразумевается, что язык возник и развился в результате длительной адаптации человека к окружающему миру.

Но адаптивная деятельность человека направлена не только на изменчивый природный мир, но и на других людей. «Взаимодействие с себе подобными преследует две цели: модифицировать их поведение так, чтобы изменившийся в результате этого мир обеспечивал лучшие условия адаптации к среде, и модифицировать свое поведение, опираясь на интерпретацию поведения других, усиливая свою адаптивную способность. Собственно говоря, в этом и состоит функция коммуникации как деятельности» [9: 21].

Это означает, что функция языка не сводится исключительно к кодированию и передаче информации. Языковое поведение является, прежде всего, *ориентирующим* поведением [12: 117]. Ученые, занимавшиеся изучением поведения ряда животных, в особенности приматов, китов и дельфинов, отмечали высокую степень ориентирующего воздействия одних индивидов на поведение других. Это, в свою очередь, подводит к мысли о том, что язык коннотативен и служит человеку для адаптации к изменчивым условиям среды. Следовательно, для сохранения себя и своей ниши человеку необходимо подстраиваться самому и воздействовать на других таким образом, чтобы он мог существовать в этой среде. Коннотативность языка, лежащая в основе ориентирующего взаимодействия индивидов, объясняет свойственные человеку (и некоторым животным) хитрость, обман, ложь, имеющие своей целью дезориентировать противника/ соперника и добиться своей цели (Ср. у Е.Н.Князевой: «человек как субъект познания и деятельности никогда не задан наперед: он продукт своей свободной творческой деятельности, своего окружения, среды, которую он строит и которой управляет» [6: 54]).

Биологическая концепция естественного языка, предложенная чилийским биологом и кибернетиком Умберто Матураной, как нам представляется, максимально приближается к разгадке возникновения

естественного языка как одного из проявлений когнитивной деятельности человека.

«Чтобы понять, как естественные языки возникли в процессе эволюции, – пишет У.Матурана, – надо выявить такую их фундаментальную биологическую функцию, которая в ходе естественного отбора могла бы их породить. До сих пор такое понимание было невозможно, потому что язык считали денотативной символической системой, предназначенной для передачи информации. Однако если бы биологическая функция языка состояла в передаче информации, то для того, чтобы он мог возникнуть в процессе эволюции, необходимо было бы предварительное существование функции денотации, из которой и могла бы развиться символическая система передачи информации. Но именно функцию денотации и требуется объяснить в первую очередь с точки зрения ее происхождения в процессе эволюции. Напротив, если признать, что язык коннотативен, а не денотативен, и что функция его состоит в том, чтобы ориентировать ориентируемого в его собственной когнитивной области, а не в том, чтобы указывать ему на независимые от него сущности, то очевидно, что усвоенные ориентирующие взаимодействия воплощают в себе функцию неязыкового происхождения, которая в условиях естественного отбора взаимодействий, способных применяться рекурсивно, может порождать в процессе эволюции систему ко-оперативных консенсуальных взаимодействий между организмами, то есть естественный язык [12: 117-118].

С этими словами созвучно следующее высказывание А.В.Кравченко: «Вся история эволюции человеческой цивилизации служит иллюстрацией того, что путь, по которому идет развитие человека как вида, направлен на увеличение степени его воздействия на среду через контроль информации с целью повышения своей адаптивной способности. <...> Эффективность же этой деятельности целиком и полностью определяется языком» [9: 240].

Таким образом, эволюционная теория происхождения и развития языка уточняется понятием адаптивной деятельности, направленной на ориентирующее взаимодействие индивидов друг с другом и окружающей средой. По словам У.Матураны, усвоенные путем научения ориентирующие взаимодействия вкупе со способом поведения, допускающим независимое рекурсивное расширение такой области взаимодействий организма, как социальная жизнь и/или изготовление и употребление орудий, явились, по-видимому, той основой, исходя из которой в процессе эволюции совершался отбор ориентирующего поведения, приведшего у гоминидов к появлению современных языков [12: 118].

Конечно, письменных доказательств того, как и когда возник язык, не существует, и мы можем лишь строить догадки, как зарождался и развивался язык, какие этапы (и сколько, если они были) в своем становлении прошел язык, какими темпами он развивался и т.д. Одни ученые считают, что язык возник как резкий эволюционный скачок, т.е. внезапно и сразу, как кролик, которого фокусник достал из своей волшебной шляпы (этот взгляд так и

называют *The rabbit-out-of-a-hat view* [18: 59]). Другие ученые отстаивают идею медленного и постепенного развития и предлагают метафору ползущей по высокой стене улитки. Есть мнение, что в развитии языка имели место и этапы быстрого роста, и этапы стагнации.

В качестве компромиссного варианта предлагается метафора костра, объединяющая в себе разноскоростные этапы: постепенное (накопительное) начало – взрыв – постепенное замедление – стабилизация темпов развития [18: 59-60]. Этот вариант представляется наиболее вероятным, поскольку соответствует основным этапам развития синергетической системы: из состояния хаоса через установление параметров управления к упорядочению организации системы. Интересно, что подобную мысль выразил много лет назад Г.Гийом, совершенно не имея в виду синергетичность языка и вытекающее из нее соответствующее поведение системы: «язык как целое лежит в основе своих составных частей. Вначале было целое, и это целое было *хаосом* (курсив мой – Т.Д.); на стадии созидания произошло разделение, дифференциация, организация, все большее и большее проявление этой организации» [3: 12].

Подведем предварительные итоги.

Языковая способность является одной из многочисленных граней когнитивной деятельности человека. Возникновение языка носит эмерджентный характер и обусловлено особенностями эволюции человека как биологического вида. Изначально язык не денотативен, а коннотативен (У.Матурана), что сделало возможным для человека не просто констатировать существование чего бы то ни было во внешнем мире, но – именно это и оказывается жизненно важным – управлять средой, контролировать изменения в ней, адаптировать ее к себе, своим потребностям и адаптироваться самому в изменчивых ситуациях существования, а также путем научения передавать свой опыт другим (например, своим потомкам), тем самым оказывая определенное влияние на их поведение. В частности, адаптивное поведение индивида по отношению к другим индивидам и окружающей среде (экологической нише) проявилось в форме ориентирующего взаимодействия как одного из проявлений коммуникации в сообществе. Из множества средств коммуникации звуковой язык оказался самым эффективным и оптимальным в различных ситуациях.

Инактивированное познание (т.е. познание через действие) запускает механизм выстраивания лингвистических параметров и совершенствует его на протяжении эволюции человека как биологического вида. В результате естественного отбора языковая способность становится врожденной.

В своем становлении естественный язык как синергетическая система прошел ряд стадий, различающихся по темпу происходящих в системе изменений. Очевидно (об этом свидетельствуют данные исследований разных систем живой и неживой природы), начальная стадия характеризовалась низкой динамикой, накоплением «фактического» материала. Вторая стадия могла отличаться высокими темпами изменений в системе – выстраиванием ведущих параметров и переходом от хаотического

состояния к упорядочению взаимосвязей между компонентами системы. Следующая стадия характеризуется относительной устойчивостью, когда отдельные отклонения в системе (так называемые флуктуации) не приводят к кардинальной перестройке всей системы, а носят лишь оттенок оптимального настраивания (адаптации).

В целом следует отметить, что открытия в естествознании, новейшие исследования сложных систем различной онтологии, наработки в так называемых точных науках благодаря трансдисциплинарному переносу проливают свет на множество проблем наук гуманитарного направления, включая науку о языке, открывая для лингвистов новые перспективы в изучении многогранного объекта, каким выступает язык.

И в заключении приведем пророческие слова академика В.И.Вернадского (1931 г.):

«Мы переживаем <...> величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равных которым не видели долгие поколения наших предков. <...> Стоя на этом переломе, охватывая взором раскрывающееся будущее – мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать. Мы только начинаем сознавать непреодолимую мощь свободной научной мысли, величайшей творческой силы *Homo Sapiens*, человеческой свободной личности, величайшего нам известного проявления ее космической силы, царство которой впереди» [2: 255].

Литература

1. *Балли Ш.* Язык и жизнь: Пер.с фр./ Вступ.ст.В.Г.Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 232 с. (Серия «Женевская лингвистическая школа».)
2. *Вернадский В.И.* Проблема времени в современной науке / Владимир Иванович Вернадский // *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.- 520 с. – С.228-255.
3. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики: Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена. Пер.с фр. / Общ.ред., послесл. и коммент.Л.М.Скрелиной. – Изд. 4-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 232 с.
4. *Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б.* Что такое синергетика? / Юлий Александрович Данилов, Борис Борисович Кадомцев // *Нелинейные волны.* Самоорганизация /отв.ред. А.В.Гапонов-Грехов, М.И.Рабинович. – М.: Наука, 1983. – С.10-18
5. *Иванов В.В.* Моногенеза теория // *Лингвистический энциклопедический словарь.* – М., 1990. – С. 308-309.
6. *Князева Е.Н.* Автопоэзис мысли / Елена Николаевна Князева // *Вестник ТГПУ.* – 2008. – Вып. 1(75). – С. 46-54.
7. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: Синергетическое мировидение / Елена Николаевна Князева, Сергей Павлович

- Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 256 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».)
8. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Елена Николаевна Князева, Сергей Павлович Курдюмов / Вступ ст. Г.Г.Малинецкого.– М.: КомКнига, 2011. – 272 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».)
 9. *Кравченко А.В.* Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка /Александр Владимирович Кравченко. – Иркутск: Изд. ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.
 10. *Кравченко А.В.* Знание, языкознание и язык /Александр Владимирович Кравченко// *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 5-13.
 11. *Курдюмов С.П., Князева Е.Н.* Синергетика: начала нелинейного мышления / Сергей Павлович Курдюмов, Елена Николаевна Князева. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurdyumovknyaz.htm>
 12. *Матурана У.* Биология познания / Умберто Матурана // Язык и интеллект. Сб. / Пер. с англ. и нем./ Сост. и вступ. ст. В.В.Петрова. – М.: Прогресс,1996. – С. 95-142.
 13. *Пинкер С.* Язык как инстинкт: Пер. с англ. / Стивен Пинкер / Общ.ред. В.Д.Мазо. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 456с.
 14. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику / Владимир Александрович Плунгян. – Изд.3-е, испр. и доп.– М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 384 с. (Серия «Новый лингвистический учебник».)
 15. *Хакен Г.* Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? / Герман Хакен // Синергетика и психология./ под ред. И.Н.Трофимовой. – Вып. 2. «Социальные процессы». – М.: ЯНУС-К, 2000.– С. 11-25.
 16. *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация (динамическая теория информации) / Дмитрий Сергеевич Чернавский. – Изд. 3-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 304 с. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему».)
 17. *Якушин Б.В.* Гипотезы о происхождении языка / Борис Владимирович Якушин. – Изд. 4-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – 136 с.
 18. *Aitchison, Jean.* The Seeds of Speech. Language Origin and Evolution. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 282 p.
 19. *Grimm, Jacob.* On the Origin of Language. – Leiden: Brill, 1984 (1st ed. 1851).
 20. *Bickerton, Derek.* The language bioprogram hypothesis // Behavioral and Brain Sciences. – 1984. – No. 7. – PP. 173-221.
 21. *Bickerton, D.* Language and Species. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 1990.
 22. The Evolutionary Emergence of Language: Social Function and the Origins of Linguistic Form /Edited by: Chris Knight, University of East London;

Edited by: Michael Studdert-Kennedy, Haskins Laboratories; Edited by: James Hurford, University of Edinburgh. – Cambridge: CUP, 2000.
23. *Harris, Alice C. and Lyle Campbell. Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Summary

The article briefly considers a number of hypotheses on human language origin. The latest evidence in biology and other sciences, as well as in synergetics of complex self-organizing systems, witnesses for the biological view of language origin and evolution (H. Maturana). It is also argued that human language is a synergetic system, and as such, it goes through certain stages in its development.

УДК 811.111'253

ОСОБЛИВОСТІ ПЕРЕКЛАДУ ДІЛОВИХ ЛИСТІВ

Драбов Н. Ю.

ДВНЗ «Ужгородський національний університет»

Ділова сфера є однією з життєво важливих сфер діяльності людства, а діловий лист, навіть у час майже цілковитої автоматизації та новітніх технологій, залишається невід'ємною її частиною. Написання бізнес-листа іноземною мовою або переклад ділової кореспонденції передбачають урахування особливостей лексико-граматичної структури окремих мов та включає ряд труднощів, які необхідно долати перекладачеві.

Актуальність обраної теми обумовлена спрямованістю сучасного мовознавства на вивчення особливостей текстів різних жанрів, у тому числі й офіційно-ділового, та специфіки їх відтворення у перекладі. Необхідність вивчення проблем ділової комунікації обумовлена ростом міжкультурних зв'язків у сучасному світі, що приводить до інтенсифікації інформаційного обміну у сфері професійної комунікації.

Особливе місце ділового листа як інструмента міжнародної комунікації робить його об'єктом дослідження культурології, соціології, психології, лінгвістики і, звісно, перекладознавства. **Об'єктом** нашого дослідження є тексти ділових листів англійською та українською мовами. **Предметом** розгляду є лексичні та граматичні особливості англійських та українських ділових листів. **Мета статті** – визначення особливостей перекладу ділових листів – полягає у встановленні спільних та відмінних рис у лексико-граматичній структурі англійських та українських ділових листів.